

Ludmila I. STRIY,

Lecturer of Applied Linguistics Department in Odessa I. I. Mechnikov National University; Odessa, Ukraine;
e-mail: 1sluda@mail.ru; tel.: +38-096-1145451

RITUAL ASPECT OF POLITICAL COMMUNICATION: SEMIOTICS OF THE PRESIDENT'S INAUGURATION

Summary. The article investigates the semiotic aspects of political communication. Identified symbolic components in the inaugural speeches and Ukrainian presidents are defined, during inauguration ceremony. We make lingual semiotic and stylistic analysis activities and inaugural speeches by Ukrainian Presidents L. Kuchma, V. Yushchenko, V. Yanukovich and P. Poroshenko. The article defines the characteristics of the inauguration as a political ritual. These characteristics are done on the basis of material of inaugurations of Ukrainian presidents. The features and the semantics of the inaugural speeches are analyzed in terms of semiotics of political discourse.

Key words: political communication, ritual, inauguration, semiotics, president.

Статтю отримано 22.06.2014 р.

УДК 811.161.1'42'367.5 В. Шукшин

ЧУВАКИН Алексей Андреевич,

доктор филологических наук, профессор кафедры современного русского языка и речевой коммуникации Алтайского государственного университета; Барнаул, Россия;
e-mail: chuvakin@inbox.ru; тел.: +7-3852-245334; моб.: +7-913-2602740

ТЕКСТЫ МАЛОЙ ПРОЗЫ В. М. ШУКШИНА В КОНТЕКСТЕ ФИЛОЛОГО-КОММУНИКАТИВНОГО ЗНАНИЯ

Аннотация. В современной русистике тексты малой прозы В. М. Шукшина представляют собой особый объект филологических исследований. В данной статье они рассматриваются на пересечении филологического и коммуникативного знания, что оказывается возможным, так как современная филология изучает три объекта (*homo loquens*, язык и текст) и имеет коммуникативную ориентированность. Короткие рассказы анализируются в аспекте диалогичности — важнейшей составляющей описания коммуникации «глазами» филолога. Установлены приёмы диалога между автором и читателем и знаки коммуникативных отношений между персонажами; эти отношения в текстах рассказов предстают как диалогические или анти-диалогические. В связи с этим выдвигается проблема кризиса речевой коммуникации в эвokasiонном аспекте.

Ключевые слова: В. М. Шукшин, рассказы, филолого-коммуникативный подход.

В современной русистике тексты малой прозы В. М. Шукшина фактически представляют собой особый объект филологических исследований. Предлагаемая оценка опирается на работы о творчестве писателя, выполненные специалистами из разных стран, в том числе России и Украины [см., напр.: 6; 7; 2; 3], и учитывает значимость малой прозы в его творчестве. Более того, рассказы Шукшина, обладая мощным коммуникативным потенциалом, существенны и как факт современной гуманитарной культуры и науки, о чём свидетельствуют многие материалы [8]. Не случайно, когда в шукшиноведении предпринимается попытка «увидеть» сквозь призму шукшинской прозы человека третьей четверти XX в. в его движении, в его поступках и общении, исследователи обращаются прежде всего к рассказам писателя. В данном контексте и выдвигается в прозе Шукшина феномен коммуникации: персонажи его рассказов не столько *показаны* автором, сколько *показывают* себя «сами» в актах коммуникации. Интересны следующие данные: в рассказе «Залётный» (в хронологическом перечне рассказов он занимает срединную позицию) пространство текста, в котором располагается прямая речь персонажей (вместе с авторскими ремарками), в два раза больше пространства, принадлежащего авторскому монологическому слову (вместе с формами непрямого речи персонажа).

Сказанное делает возможным рассмотрение текстов малой прозы Шукшина в контексте филолого-коммуникативного знания. Этот вид междисциплинарного гуманитарного знания рождается и существует на пересечении филологических и коммуникативных наук. Оно базируется на фундаментальной значимости (для обеих наук) человека как объекта исследования [9, с. 11]. Из методологически и теоретически существенных положений, входящих в состав филолого-коммуникативного знания, здесь укажем лишь два. Первое: принцип деятельности природы человека, одинаково важный и для филологии, и для коммуникативных наук. В современной филологии он входит в базу, на которой конституируется *homo loquens* как исходная реальность и объект филологии; в коммуникативных науках является основой современного представления о коммуникации как деятельности человека, опосредованной символами («двойная» опосредованность видится в художественной коммуникации). Второе: принцип коммуникативности. Его реализация обеспечивает выбор угла зрения на феномен коммуникации, тем более когда в поле зрения исследователя попадает текст, содержащий факты языковой и/или неязыковой коммуникации. Если учесть, что новейшая филология отличается многообъектностью (*homo loquens*, естественный язык, текст) и коммуникативной ориентированностью [10, с. 151–155;

11;], станет понятным место филолого-коммуникативного знания как контекста исследования языка, в том числе и языка текстов художественной прозы.

Наши рассуждения вполне коррелируют с оценкам Шукшиным проблемы *язык — человек — коммуникация*. Приведём несколько суждений писателя: «...для меня «проблема языка» возникает именно потому, что — люди очень разные» [14, с. 368], «по-разному говорят и ведут себя умный и дурак, человек степенный и трепач, <...> слабохарактерный и властный» [14, с. 367]; «Прямая речь позволяет мне крепко поубавить описательную часть: какой человек? Как он думает? Чего хочет? В конце концов, мы ведь так и составляем понятие о человеке — послушав его. Тут он не сойдёт — не сумеет, даже если захочет» [14, с. 370]; «Ведь нельзя, наверное, писать, если не иметь в виду, что читатель сам «досочинит» многое» [14, с. 365].

Итак, контекст филолого-коммуникативного знания не навязывается текстам малой прозы Шукшина, а присущ им органично. Вместе с тем подчеркнём, что такого рода задача для русистики является новой и актуальной, в особенности если учесть тот факт, что наше время — это время коммуникативной революции («communications revolution»), а «Modern society is to an astonishing extent the constantly evolving product of this revolution» — «Современное общество есть в удивительной степени постоянно развивающийся продукт этой революции» (перевод наш. — А. Ч.) [15, 1, р. XIX]. Решение сформулированной здесь задачи предполагает обращение к категориям диалогичности, интерпретативности, эвокативности, креолизованности, ибо в них выражается интегративное филолого-коммуникативное знание о тексте, в том числе, разумеется, и художественном: диалогичность представляет собой принцип организации коммуникации, интерпретативность есть основа специфически человеческой коммуникации, эвокативность — базовый механизм коммуникации, креолизованность — принцип формы сообщения [13, с. 188]. В данной статье, по условиям места, рассмотрим материал только в аспекте первой из названных категорий.

Диалогичность, в русле идей М.М. Бахтина, — это принцип организации коммуникации, базирующийся на способности человека к выражению своей интеллектуально-ценностной позиции и восприятию позиции других людей и заключающийся в стремлении коммуникантов к соучастию, согласию, переговорности. Понимаемая так диалогичность выражает сущность коммуникативных отношений между участниками коммуникативного акта и определяет статус текста как его элемента. В нашем случае выделяются коммуникативные акты, участниками которых являются автор и читатель, где в качестве текста выступает текст произведения; повествователь и персонажи произведения с соответствующим сложно устроенным текстом; наконец персонажи со «своим» текстом.

При описании отношений между автором и читателем традиционно учитываются приёмы диалогичности, ведущее место в совокупности которых принадлежит цитации и диалогизации, приемам интертекстуальности [8, 1, с.121-127; 131-133]. Приёмы диалогичности приобретают в тексте функцию сигналов различных интеллектуально-ценностных позиций, они-то и усматриваются читателем — как типовым, как типом или индивидом. Эти приёмы в текстах Шукшина фиксируются в разных слоях художественно-речевой структуры. Приведём примеры приёма цитации:

- в авторском речевом слое (начало рассказа): *Молодого Григория Думнова, тридцатилетнего, выбрали председателем колхоза. Собрание было шумным; сперва было заколебались — не молод ли? Но потом за эту же самую молодость так принялись хвалить Григория, что самому ему, и тем, кто приехал рекомендовать его в председатели, стало даже неловко. Словом, выбрали («Наказ»);*

- в персонажном речевом слое (из монолога Вани Татуса): — *Я собрал вас, чтобы сообщить важную новость... <...> Мы получили из области пьесу. Пьесу написал наш областной автор. <...> Острит, Маров, тот, кто острит последним. <...> Пьеса из колхозной жизни, бьёт по... — Ваня взглянул в аннотацию. — Бьёт по частнособственническим интересам. Автор сам вышел из народной гущи, хорошо знает современную колхозную деревню, её быт и нравы. Слово его крепко, как... дуга («Крыша над головой»).*

Цитируя разные источники, автор словно обращается к читателям: выбирайте позицию, оценку! присоединяйтесь к тому или иному взгляду, думайте! Исследователи (и это крайне важно в контексте наших рассуждений) связывают действие этих приёмов с главной чертой стиля Шукшина, каковой является «нивелирование авторской позиции как единственно авторитетной» [8, 1, с. 124]. Функцию носителя сигнала выполняют и коммуникативные отношения между персонажами; эти отношения в текстах рассказов предстают как диалогические (1) или анти-диалогические (2).

Примером отношения (1) рода может служить диалогическая система в рассказе «Одни». В состав системы входит два диалога: начальный, обобщённо представляющий ситуацию; основной, в данной конкретной ситуации. Уже в первом диалоге сталкиваются жизненные позиции героев, Антипа Качачикова и его жены Марфы. Антип обращается к Марфе:

— <...> Тебе что требуется? Чтобы я день и ночь только шил и шил? А у меня тоже душа есть. Ей тоже попрыгать, побаловаться охота, душе-то.

— Плевать мне на твою душу.

Можно предположить, что развитие коммуникативных отношений пойдёт по пути анти-диалогичности. Обе стороны имеют сильные аргументы: Антип (раздумчиво): «вспомнил твоего папашу кулака, царство ему небесное»; Марфа (категорично): «Ты папашу моего не трожь... Понял?». Так сталкиваются две линии — праздника души (Антип) и «день и ночь» работой (Марфа). Работа Антипа для Марфы означает одно: деньги. Однако финальная часть разбираемого диалога:

— *Шибко ты уж строгая, Марфынька. Нельзя так, милая: насадишь сердечушко свое и помрешь.*

Марфа за сорок лет совместной жизни с Антипом так и не научилась понимать: когда он говорит серьёзно, а когда шутит.

— *Вопчем, шей.*

— *Шью, матушка, шью —*

с примирительными формулами и интонациями делает возможным развитие диалога в направлении согласия. Так диалогическая система в рассказе получает волнообразную структуру: конфликт — согласие — конфликт — согласие... Волнообразность структуры задаётся стреленой темой всего диалогического пространства текста — темой детей, которая одинаково значима для Антипа и Марфы (но к теме обращается именно Марфа!) и которая возникает постоянно. (Впрочем, иногда эта тема уступает место другим, но внутренне связанным с ней.) Вот этапы развития «волн» диалога: 1) (Антип) *Всё думаешь, как денюжат побольше скопить?* → (Антип) <...> *Для чего же, спрашивается, мне жизнь была дана? — Для детей, — серьёзно сказала Марфа.* → (Марфа) *Перестань уж!.. Завёл — противно слушать.* → (Антип) *Значит, не понимаешь;* 2) (Марфа) *Разлетелись наши детушки по всему белому свету.* → (Антип) *А хочешь, я тебе сыграю, развею тоску твою?* → (Антип) *А ты говоришь: Антип у тебя плохой!* → (Марфа) *Не плохой, а придурковатый* → (Антип) *Значит, не понимаешь.* <...> *Но тебя замучили окаянные деньги.* — (Марфа) *Не деньги меня замучили, а нету их — вот что мучает-то;* 3) Далее идёт сцена «про Володю-молодца», в известном смысле ключевая; 4) Финальная часть последней сцены рассказа: *Марфа сердито протянула ему шесть рублей — означает «благоприятный» исход. Но надолго ли? См.: разговаривать или медлить было опасно — Марфа легко могла раздумать.*

Развитие диалога в сторону согласия усиливается средствами формальной организации диалогических пар:

- поддержками: — *Для чего же, спрашивается, мне жизнь была дана? — Для детей, — серьёзно сказала Марфа.*

Антип не ждал, что она поддержит разговор;

- повторами: (Антип) — *Эх-х...* (Марфа) — *Чего «эх»? Чего «эх»? — Так...* (в первом диалоге); — *Эх, Марфа!* — Антип тяжело вздохнул. — *Что «эх»? Что «эх»? — Так...* проехало (во втором диалоге);

- смягчениями, сменой темы, молчанием, игрой и пр.

Так в рассказе проявляется один из главных приемов Шукшина, имеющий коммуникативную природу: внутренне скрывается под внешним. Стало быть, сигнал, посылаемый читателю, становится более сильным, но и более сложным, требующим от читателя интерпретационных усилий. Возможно, именно поэтому центральный диалог рассказа даётся без традиционных для прозы «купюр», в нем важную роль играет каждая реплика, каждое слово, каждое молчание, каждый невербальный элемент.

Как рождается согласие, как оно труднодостижимо и хрупко, — вот важнейший эстетический смысл рассказа, типичного для Шукшина: здесь социальное сливается с коммуникативным, живёт в коммуникативном. Напомню тезис Бахтина: *Быть значит общаться.*

Обратимся к материалу, в котором коммуникативные отношения между персонажами реализуются в направлении анти-диалогичности. Таковы, например, рассказы, где воспроизводится межперсонажная кризисная коммуникация. О кризисе коммуникации писал кинокритик И. Манцов: «...У нас плохо с диалогами. В стране с хорошей литературной традицией не умеют писать диалоги. Кроме прочего, это говорит о системном кризисе коммуникации. В современной России не уважают Другого и как следствие не желают с ним разговаривать» [5, с. 203–204]. Разумеется, упрёк в неумении писать диалоги к Шукшину не относится. Наоборот, писатель демонстрирует и способы предотвращения, преодоления кризисных явлений в коммуникации (например, в рассказе «Одни») и факты, которые мы оцениваем как проявление кризиса коммуникации [4, с. 165–166].

Приведём фрагмент рассказа «Ванька Тепляшин». В этом фрагменте полностью представлена речевая партия персонажа, который именуется красноглазым:

А мать уже стояла возле этого художого с красными глазами, просила его. Красноглазый даже и не слушал её.

— *Это ко мне!* — издал ещё сказал Ванька. — *Это моя мать.*

— *В среду, субботу, воскресенье, — деревянно прокукувал красноглазый.*

Мать тоже обрадовалась, увидев Ваньку, даже и пошла было навстречу ему, но этот красноглазый придержал её.

— *Назад.*

— *Да ко мне она!* — закричал Ванька. — *Ты что?!*

— *В среду, субботу, воскресенье, — опять трижды отстукал этот... вахтёр, что ли, как их там называют.*

— *Да не знала я, — взмолилась мать, — из деревни я... Не знала я, товарищ. Мне вот посидеть с им где-нибудь, маленько хоть...*

<...>

— *Товарищ, — вежливо и с достоинством обратился он к вахтёру, но вахтёр даже не посмотрел в его сторону. — Товарищ! — повысил голос Ванька. — Я к вам обращаюсь!*

— *Вань, — предостерегающе сказала мать, зная про сына, что он ни с того ни с сего может соскочить с зарубки.*

Красноглазый всё безучастно смотрел в сторону, словно никого рядом не было и его не просили сзади и спереди.

— *Пойдём вон там посидим, — изо всех сил спокойно сказал Ванька матери и показал на скамеечку за вахтером. И пошёл мимо него.*

— *Наз-зад, — как-то даже брезгливо сказал тот. И хотел развернуть Ваньку за рукав.*

<...>

Красноглазый на какое-то короткое время оторопел, потом пришёл в движение и подал громкий голос тревоги.

— *Стигнеев! Лизавета Сергеевна!.. — закричал он. — Ко мне! Тут произвол!.. — И он, растопырив руки, как если бы надо было ловить буйнопомешанного, пошёл на Ваньку. Но Ванька сидел на месте, только весь напряжился и смотрел снизу на красноглазого. И взгляд этот остановил красноглазого. Он оглянулся и опять закричал: — Стигнеев!*

Из боковой комнаты, из двери выскочил квадратный Евстигнеев в белом халате, с булочкой в руке.

— *А? — спросил он, не понимая, где тут произвол, какой произвол.*

— *Ко мне! — закричал красноглазый. И, растопырив руки, стал падать на Ваньку.*

Речевая партия красноглазого является своего рода образцом кризисогена, взрывающего коммуникативный акт; вахтёр в рассказе не обладает способностью к восприятию просьбы, более того, к восприятию человека (*Красноглазый даже и не слушал её; но вахтёр даже не посмотрел в его сторону; Красноглазый всё безучастно смотрел в сторону, словно никого рядом не было и его не просили сдать и спереди*) и, следовательно, не способен вступать в диалог с Другим. Формулы, которые он *деревянно прокуковал или отстукал*, фактически не являются ответными репликами: ответная реплика есть выражение коммуникативных отношений с собеседником. Будучи «при исполнении», красноглазый видит себя хозяином ситуации и не вступает в диалог с посетителем, тем самым помещает себя за границами не только согласия, но обычного человеческого соучастия или стремления к общению (что может быть свойственно людям «при исполнении»). Почему речевая партия красноглазого интерпретируется нами как пример кризисной коммуникации, но, например, не конфликта? Если при рассмотрении кризиса коммуникации выдвигается негативная составляющая, то можно признать, что коммуникативный барьер, непонимание, конфликт и подобные явления речевой коммуникации, по отдельности или в определённых совокупностях, знаками кризиса становятся в случае глубины, всеохватности, влияния, системной и фундаментальной значимости, что создаёт угрозу не только коммуникативному, но социальному существованию человека (а также общества, государства). Вот эти признаки критичности и наблюдаются в рассматриваемой ситуации рассказа, что видно и из анализа речевой партии персонажа и может быть обнаружено в приёмах, использованных писателем. Из числа приёмов укажем следующие: 1) речевая партия красноглазого *предельно* насыщена смешанными (креолизованными) высказываниями [12, с. 48–54], что показывает неспособность персонажа в своём сознании и поступках подняться над ситуацией, вступать в коммуникативные отношения с партнёром; 2) приём прерывания речи собеседника, демонстрирующий явное неуважение к нему; 3) приём несоответствия когнитивного стиля высказываний — командного — и ситуации их употребления (вахтёр в больнице не сотрудник силовых структур в пенитенциарных учреждениях). Наконец, диагностировать кризисный характер диалога в рассматриваемом фрагменте позволяет финал диалога и финал рассказа в целом. В отличие от рассказа «Одни», во втором итог деструктивный: Ванька покидает больницу; но главное, пожалуй, в другом: на реплику доктора Сергея Николаевича, попытавшегося уговорить Ваньку не уходить из больницы: *Не обращай внимания на этих дураков! Что с ними сделаешь? А мама будет приходить к тебе...* — Ванька отвечает: *Нет <...>. Ему вспомнилось, как мать униженно просила этого красноглазого...* — *Нет. Что вы!*

Анализ материала двух рассказов В. М. Шукшина в аспекте диалогичности показал, что фактически оказалось неизбежным обращение и к другим филолого-коммуникативным категориям: креолизованности (при рассмотрении смешанных высказываний), эвокативности (при оценке высказывания на предмет соответствия ситуации), интерпретативности (в анализе коммуникативных отношений автор — повествователь — персонаж — читатель). Таким образом, намечается возможность целостного рассмотрения текстов малой прозы В. М. Шукшина в контексте филолого-коммуникативного знания.

Литература

1. *Алавердян К.* Поэтика малой прозы В. М. Шукшина : монография / Карина Алавердян ; пер. с фр. Л. С. Раппопорт. — Барнаул : Азбука, 2010. — 180 с.
2. *Козлова С. М.* Поэтика рассказов В. М. Шукшина : монография / С. М. Козлова. — Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1992. — 184 с.
3. *Кукуева Г. В.* Рассказы В. М. Шукшина: лингвотипологическое исследование : монография / Г. В. Кукуева. — Барнаул : БГПУ, 2008. — 284 с.
4. *Малыгина Э. В.* Кризис речевой коммуникации: некоторые размышления и наблюдения / Э. В. Малыгина, Ю. В. Подсадный, А. А. Чувакин // Университетская филология — образованию: регулятивная природа коммуникации / ред. Т. В. Чернышова. — Барнаул : Изд-во АлтГУ, 2009. — С. 163–169.
5. *Кинообозрение* Игоря Манцова. Ангел истребления / Игорь Манцов // Новый мир. — 2002. — № 6. — С. 203–208.
6. *Наривская В. Д.* Шукшин и Тютюник (к проблеме национального характера) / В. Д. Наривская // Творчество В. М. Шукшина. Проблемы, поэтика, стиль / ред. С. М. Козлова. — Барнаул : Краевой музей истории литературы, искусства и культуры Алтая, 1991. — С. 174–192.
7. *Пономаренко Л. А.* Зоосемная лексика в рассказах В. М. Шукшина / Л. А. Пономаренко // Язык и стиль прозы В. М. Шукшина / ред. А. А. Чувакин. — Барнаул : АлтГУ, 1991. — С. 91–98.
8. *Творчество* В. М. Шукшина : энциклопедический словарь-справочник : в 3 т. / науч. ред. А. А. Чувакин. — Барнаул : Изд-во АлтГУ, 2004–2007.

9. Чувакин А. А. К построению филологической теории коммуникации. Статья 1 / А. А. Чувакин // Филология и человек. — 2011. — № 4. — С. 7–18.
10. Чувакин А. А. К построению филологической теории коммуникации. Статья 2 / А. А. Чувакин // Филология и человек. — 2012. — № 4. — С. 146–157.
11. Чувакин А. А. Основы филологии: учеб. пособие / А. А. Чувакин. — М.: Флинта: Наука, 2011. — 240 с.
12. Чувакин А. А. Смешанная коммуникация в художественном тексте: основы эвокационного исследования: монография / А. А. Чувакин. — Барнаул: Изд-во АлтГУ, 1995. — 126 с.
13. Чувакин А. А. Филология и коммуникативные науки: направления взаимодействия (постоянно действующий семинар в Алтайском государственном университете) / А. А. Чувакин // Филология и человек. — 2013. — № 1. — С. 187–190.
14. Шукшин В. М. Я пришёл дать вам волю: роман; публицистика / В. М. Шукшин. — Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1991. — 506 с.
15. Barnouw E. Preface / E. Barnouw // International Encyclopedia of Communications / editor in Chief E. Barnouw. — N. Y., Oxford: Oxford University Press, 1989. — Vol. 1. — URL: <http://www.asc.upenn.edu/gerbner/Asset.aspx?assetID=2223>.

References

1. Alaverdyan K. Poetika maloy prozyi V. M. Shukshina: monografiya / Karina Alaverdyan; per. s fr. L. S. Rappoport. — Barnaul: Azbuka, 2010. — 180 s.
2. Kozlova S. M. Poetika rasskazov V. M. Shukshina: monografiya / S. M. Kozlova. — Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 1992. — 184 s.
3. Kukueva G. V. Rasskazyi V. M. Shukshina: lingvotipologicheskoe issledovanie: monografiya / G. V. Kukueva. — Barnaul: BGPU, 2008. — 284 s.
4. Malyigina E. V. Krizis rechevoy kommunikatsii: nekotorye razmyshleniya i nablyudeniya / E. V. Malyigina, Yu. V. Podsadnyy, A. A. Chuvakin // Universitetskaya filologiya — obrazovaniyu: regulativnaya priroda kommunikatsii / red. T. V. Chernyishova. — Barnaul: Izd-vo AltGU, 2009. — S. 163–169.
5. Kinoobozrenie Igorya Mantsova. Angel istrebleniya / Igor Mantsov // Novyy mir. — 2002. — N 6. — S. 203–208.
6. Narivskaya V. D. Shukshin i Tyutyunnik (k probleme natsionalnogo haraktera) / V. D. Narivskaya // Tvorchestvo V. M. Shukshina. Problemy, poetika, stil / red. S. M. Kozlova. — Barnaul: Kraevoy muzey istorii literatury, iskusstva i kul'turyi Altaya, 1991. — S. 174–192.
7. Ponomarenko L. A. Zoosemnaya leksika v rasskazah V. M. Shukshina / L. A. Ponomarenko // Yazyk i stil prozyi V. M. Shukshina / red. A. A. Chuvakin. — Barnaul: AltGU, 1991. — S. 91–98.
8. Tvorchestvo V. M. Shukshina: entsiklopedicheskiy slovar'-spravochnik: v 3 t. / nauch. red. A. A. Chuvakin. — Barnaul: Izd-vo AltGU, 2004–2007.
9. Chuvakin A. A. K postroeniyu filologicheskoy teorii kommunikatsii. Statya 1 / A. A. Chuvakin // Filologiya i chelovek. — 2011. — N 4. — S. 7–18.
10. Chuvakin A. A. K postroeniyu filologicheskoy teorii kommunikatsii. Statya 2 / A. A. Chuvakin // Filologiya i chelovek. — 2012. — N 4. — S. 146–157.
11. Chuvakin A. A. Osnovy filologii: ucheb. posobie / A. A. Chuvakin. — M.: Flinta: Nauka, 2011. — 240 s.
12. Chuvakin A. A. Smeshannaya kommunikatsiya v hudozhestvennom tekste: osnovy evokatsionnogo issledovaniya: monografiya / A. A. Chuvakin. — Barnaul: Izd-vo AltGU, 1995. — 126 s.
13. Chuvakin A. A. Filologiya i kommunikativnyye nauki: napravleniya vzaimodeystviya (postoyanno deystvuyushchiy seminar v Altayskom gosudarstvennom universitete) / A. A. Chuvakin // Filologiya i chelovek. — 2013. — N 1. — S. 187–190.
14. Shukshin V. M. Ya prishol dat' vam volyu: Roman. Publitsistika / V. M. Shukshin. — Barnaul: Alt. kn. izd-vo, 1991. — 506 s.
15. Barnouw E. Preface / E. Barnouw // International Encyclopedia of Communications / editor in Chief E. Barnouw. — N. Y., Oxford: Oxford University Press, 1989. — Vol. 1. — URL: <http://www.asc.upenn.edu/gerbner/Asset.aspx?assetID=2223>.

ЧУВАКІН Олександр Андрійович

доктор філологічних наук, професор кафедри сучасної російської мови і мовної комунікації Алтайського державного університету; Барнаул, Росія;
e-mail: chuvakin@inbox.ru; тел.: +7-3852-245334; моб.: +7-913-2602740

ТЕКСТИ МАЛОЇ ПРОЗИ В. М. ШУКШИНА В КОНТЕКСТІ ФІЛОЛОГО-КОМУНІКАТИВНОГО ЗНАННЯ

Анотація. У сучасній русистіці тексти малої прози В. М. Шукшина являють собою особливий об'єкт філологічних досліджень. У даній статті ці тексти розглянуто на перетині філологічного та комунікативного знання, що виявляється можливим, оскільки сучасна філологія вивчає три об'єкта (homo loquens, мову і текст) і має комунікативну орієнтованість. Короткі оповідання аналізуються в аспекті діалогічності — найважливішої складової опису комунікації «очима» філолога. Встановлено прийоми діалогу між автором і читачем і знаки комунікативних відносин між персонажами. Ці відносини в текстах оповідань постають як діалогічні або анти-діалогічні. У зв'язку з цим висувається проблема кризи мовної комунікації в евокаційному аспекті.

Ключові слова: В. М. Шукшин, оповідання, філолого-комунікативний підхід.

Alexey A. CHUVAKIN,

Grand PhD in Philological Sciences, Prof. of the Chair of the Modern Russian Language and Lingual Communication of Altai State University; Barnaul, Russia;
e-mail: chuvakin@inbox.ru; phone: +7-3852-245334; mob.: +7-913-2602740

SHORT PROSE TEXTS BY V. M. SHUKSHIN IN CONTEXT OF THE PHILOLOGICAL-COMMUNICATIVE KNOWLEDGE

Summary. In modern Russian studies the texts of short stories by V. M. Shukshin are a special object of philological research. Our article considers this material at the intersection of Philology and Communicative knowledge. It is possible because the modern Philology has three objects (homo loquens, language, text) and a communicative focus. Short stories are discussed in light of dialogic sphere as the most important component of description of communication in the viewpoint of a philologist. This article demonstrates devices of dialogic between the Author and the Reader and signs of communicative relationships between the characters. These relations appear as dialogic or anti-dialogical. Ad locum the problem of speech communication crisis is advanced in aspect of evocation theory.

Key words: V. M. Shukshin, short stories, philological-communicative approach.

Статтю отримано 10.04.2014 р.